

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

1868.

ДЕКАБРЬ.

Вслѣдствіе опубликованнаго недавно новаго распоряженія почтоваго начальства о разсылкѣ повременныхъ изданій съ 1869 года, цѣна за пересылку Душеполезнаго Чтенія въ 1869 году увеличивается на 25 копѣекъ: иногородные подписчики благоволятъ присылать въ Редакцію за годовое изданіе съ пересылкою не 3 р. 50 к., какъ было доселѣ, а 3 р. 75 копѣекъ, и съ своими требованіями и адресами по прежнему обращаться прямо въ Редакцію.

Редакція покорнѣйше проситъ особъ подписавшихся на Душеп. Чтеніе за 1868 годъ у Петербургскихъ книгопродавцевъ Овсянникова и Давыдова потребовать у нихъ назадъ подписныя деньги и препроводить къ ней, ибо сіи книгопродавцы доставили въ Редакцію только адреса подписчиковъ, а денегъ до сихъ поръ не доставляютъ ей, оставляя безъ вниманія неоднократныя о томъ напоминанія.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

Изданіе журнала Душеполезное Чтеніе, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1869 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПОПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866 году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. При семъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской Церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія записки. 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки остается прежняя: 3 р. с.; съ доставкою въ домъ жителей Москвы—3 р. 50 к., какъ и прежде. Но цѣна изданію съ пересылкою иногороднымъ, вслѣдствіе

См. слѣдующую страницу обертки.

ОТНОШЕНІЕ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ, СО ВРЕМЕНИ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ ДО ПАДЕНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. *

IV.

Лионская Унія.

Латинское владычество въ Константинополѣ довело до крайней степени непріязнь Грековъ противъ Рима и папства. Память о немъ на долгое время глубоко оставалась въ душахъ Грековъ. Трудно было послѣ этого ожидать, чтобы греческая церковь, отстоявшая свою самостоятельность отъ притязаній латинства подѣ властію крестоносцевъ, добровольно подчинилась папѣ, находясь подѣ покровительствомъ своихъ православныхъ государей... Между тѣмъ однакожъ, почти вѣлѣдъ за уничтоженіемъ латинской имперіи въ Константинополѣ, папамъ удалось на нѣкоторое время польстить себѣ надеждою на осуществленіе своихъ притязаній въ восточной церкви. Со стороны самаго правительства византійскаго сдѣлана была довольно рѣшительная попытка присоединить греческую церковь къ римской. Правда, попытка эта въ сущности была дѣломъ личнаго произвола и придворной интриги; она принята была чисто по политическимъ расчетамъ, и отъ начала до конца ведена была неискренно, мѣрами обмана и насилія; потому она не нашла сочувствія въ греческомъ духовенствѣ и народѣ, и не имѣла никакого успѣха, никакого

* Окончаніе. См. ноябрьскую книжку.
часть III.

серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторое время она сильно заинтересовала папство, и папство до настоящаго времени любить вспоминать о ней съ пріятностію и придавать ей серьезное значеніе. Эта попытка извѣстна подъ названіемъ Ліонской уніи. Императоръ Михаилъ Палеологъ, положившій конецъ латинскому владычеству въ Константинополѣ, опасался, какъ бы, въ слѣдствіе происковъ и просьбъ Балдуина II-го и воззваній папы Урбана IV-го, не собрались на западѣ новыя ополченія крестоносцевъ для завоеванія Константинополя. Въ самой Греціи было много недовольныхъ имъ за то, что онъ ослѣпилъ законнаго наслѣдника Ласкарисовъ, порученнаго его попеченію и самъ занялъ его престолъ. Благодетельный патріархъ Арсеній отлучилъ его отъ церкви за это преступленіе. Императоръ низложилъ патріарха Арсенія, и возвелъ на его мѣсто своего любимца и угодника Германа Адрианопольскаго епископа, котораго впрочемъ скоро долженъ былъ удалить въ слѣдствіе ропота народнаго; потомъ сдѣлалъ патріархомъ придворнаго духовника, слабохарактернаго Іосифа, который и разрѣшилъ его отъ наложеннаго запрещенія. Но это произвело большое смятеніе. Многочисленная партія приверженцевъ патріарха Арсенія не хотѣла подчиниться Іосифу, и продолжала считать императора отлученнымъ отъ церкви. Эта партія производила большія волненія въ церкви. Сильные вельможи, завидовавшіе возвышенію Михаила Палеолога, могли пользоваться этими смятеніями для политическихъ цѣлей... Чтобы обезопасить себя отъ нападеній съ запада, и упрочить свое положеніе на Константинопольскомъ престолѣ, Михаилъ Палеологъ вздумалъ укрѣпить себя союзомъ съ папствомъ, имѣвшимъ тогда еще сильное вліяніе на политическія дѣла Европы. Для этой цѣли онъ рѣшился вступить съ папами Урбаномъ IV, затѣмъ съ Климентомъ IV въ сношенія о соединеніи церквей, и какъ человѣкъ настойчиваго деспотическаго характера готовъ былъ употребить всевозможныя мѣры для выполненія своего предпріятія. Папы въ началѣ не довѣряли Михаилу Палеологу, злобились на него за низпроверженіе латинской имперіи, и не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла. Наконецъ, когда въ 1271-мъ году вступилъ на папскій

престолъ Григорій X-й, самъ прежде жившій на востокѣ, и пламенно мечтавшій объ утвержденіи тамъ римскаго господства, переговоры о соединеніи церквей пошли дѣятельнѣе. Императоръ началъ готовить народъ и духовенство къ предполагаемому соединенію; но народъ и духовенство, за исключеніемъ немногихъ личностей единомысленныхъ съ императоромъ, льстившихъ ему, или обманчиво представлявшихъ себѣ дѣло уніи, не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу римской церкви. Императоръ дѣйствовалъ сначала просьбами и убѣжденіями, потомъ угрозами и насиліемъ: многіе епископы были сосланы въ ссылку, другіе посажены въ тюрьмы. Обманомъ, лестью и тюремнымъ заключеніемъ императоръ успѣлъ склонить на свою сторону краснорѣчивѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ Константинопольскихъ духовныхъ Іоанна Векка—патріаршаго хартофилакса. Но и переходъ Векка на сторону уніи не только не помогъ этому дѣлу, но напротивъ его самого лишилъ довѣрія и уваженія въ глазахъ духовенства и народа.

Между тѣмъ папа Григорій назначилъ въ Ліонѣ соборъ въ 1274-мъ году (14-й вселенскій по счету Латинянъ). На этотъ соборъ должны были прибыть посланные отъ греческаго императора для заключенія условій о соединеніи церквей. Императоръ приказалъ своимъ единомышленникамъ составить отъ имени греческой церкви грамоту, въ которой бы греческая церковь обязывалась признать себя зависимою отъ римской церкви—почитать папу первымъ епископомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, поминать имя его на службахъ церковныхъ, и въ случаѣ надобности представлять на рѣшеніе папѣ важнѣйшія сомнительныя дѣла, возникающія въ греческой церкви,—но съ тѣмъ условіемъ, чтобы символъ вѣры, всѣ догматы и обряды греческой церкви оставались неприкосновенными при соединеніи съ римскою церковью. Къ этой грамотѣ успѣли набрать незначительное число епископскихъ подписей,—за большую часть греческихъ епископовъ, несогласавшихся на унію поддѣланы были рукою императорскаго писца фальшивыя подписи, — и съ этою грамотою послали въ Ліонъ для заключенія мира церковнаго отставленнаго отъ долж-

ности и нелюбимаго въ народѣ за угодничество императору патріарха Германа съ нѣсколькими лицами изъ Константинопольскаго клира и придворными свѣтскими чиновниками; а патріарха Іосифа, въ то время занимавшаго Константинопольскій престолъ и несоглашавшагося на унію, принудили удалиться въ монастырь. Посланные Михаила Палеолога съ богатыми подарками папѣ прибыли въ Ліонъ, и здѣсь безъ всякихъ разсужденій о причинахъ, сущности и значеніи разногласій существовавшихъ между восточною и западною церквами, въ торжественномъ собраніи западныхъ прелатовъ 6-го іюля 1274-го года дали отъ имени греческой церкви клятвенное обязательство на соединеніе съ римскою церковію и признаніе главенства папы.

По возвращеніи пословъ изъ Ліона императоръ приказалъ объявить унію съ римскою церковью, и поминать имя папы на церковныхъ богослуженіяхъ. На престолъ патріаршества Константинопольскаго возведенъ былъ Іоаннъ Веккъ, въ дарованіяхъ и энергичности котораго императоръ надѣялся найти сильную опору дѣлу Уніи. Но народъ и духовенство продолжали относиться къ Уніи также непріязненно, какъ и прежде. Православные Греки не хотѣли молиться въ тѣхъ церквахъ, гдѣ поминалось имя папы. Въ Константинополѣ возникли сильныя смуты и распри между православною и уніятскою партією. Противъ императора и патріарха стало распространяться недовольство и озлобленіе. Пользуясь такимъ замѣшательствомъ народнымъ, нѣкоторые изъ сильныхъ вельможъ, ненавидѣвшихъ Михаила Палеолога, стали возбуждать въ провинціяхъ открытые мятежи противъ императорской власти. Императоръ хотѣлъ силою заставить народъ повиноваться себѣ. Ссылки, пытки и казни усилились въ чрезвычайной степени. Съ другой стороны патріархъ Веккъ и другіе ученые приверженцы уніи (Константинъ Мелетиніотъ, Георгій Метохитъ и др.) старались дѣйствовать на народъ мѣрами убѣжденія; они распространяли такія мысли, что Унія есть дѣло въ высокой степени нравственное и христіанское, и въ политическомъ отношеніи для Грековъ весьма полезное, что римская церковь такая же православная церковь, какъ и

греческая, что въ самомъ важномъ пунктѣ разногласія между греческою и римскою церковью относительно исхожденія Св. Духа легко примирить ученіе той и другой церкви, если принять для выраженія этого ученія такую формулу, что Духъ Святой исходитъ не просто отъ Отца, какъ читается въ Греческомъ символѣ, и не отъ Отца и Сына, какъ учить западная церковь, *а отъ Отца чрезъ Сына*, какъ учили будто бы многіе древніе учителя церковные, восточные и западные^(а). Но ни деспотическая настойчивость императора, дѣйствовавшего мѣрами насилія, ни убѣжденія уніятской партіи греческихъ богослововъ не подвигали впередъ дѣла уніи. Векъ, разочарованный въ своихъ уніятскихъ стремленіяхъ и въ народной къ нему расположенности, оставилъ управленіе церковными дѣлами; самъ императоръ, утомленный пытками и казнями, въ послѣдніе годы своего правленія предоставилъ успѣхъ Уніи на произволъ судьбы. Между тѣмъ въ Римѣ ошибочно представляли, что въ греческой церкви воля императора можетъ сдѣлать все, и отъ стараній Михаила Палеолога ожидали совсѣмъ не такихъ результатовъ. Тамъ не только надѣялись, что греческая церковь по волѣ императора безпрекословно признаетъ себя зависимою отъ папы, но думали даже, вопреки самымъ условіямъ ліонскаго договора, по времени распространить въ ней всѣ новоизмышленные догматы и обряды западные, и утвердить на востокѣ политическое вліяніе папъ въ такой же степени, въ какой оно было въ то время на западѣ. Съ этою цѣлю въ 1279-мъ году папа Николай III послалъ въ Константинополь своего легата, который былъ бы тамъ постояннымъ представителемъ его

(а) Дѣло конечно здѣсь было не въ томъ, какое выраженіе употреблять въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа *отъ* Сына или *чрезъ* Сына а въ томъ, какой смыслъ соединять съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Еслибы католики или уніаты разумѣли выраженія *чрезъ Сына* или *отъ Сына* въ смыслѣ временнаго благодатнаго исхожденія св. Духа на людей, Греческая церковь могла бы согласиться на это. Но въ примѣненіи къ догмату о вѣчномъ упостасномъ происхожденіи Духа выраженіе *чрезъ Сына*, также какъ и *отъ Сына*, не могло найти себѣ основанія въ словѣ Божіемъ и ученіи древней церкви.

власти, и постепенно старался бы вводить въ греческую церковь латинскіе догматы и обряды, и распространять свое вліяніе при дворѣ въ самыхъ политическихъ дѣлахъ. Но ближайшее ознакомленіе съ состояніемъ греческой церкви и настроеніемъ греческаго народа на мѣстѣ должно было показать папскимъ уполномоченнымъ, что уніи въ греческой церкви въ сущности вовсе не существуетъ. Въ Римѣ стали высказываться недовольства и жалобы на Михаила Палеолога за невыполненныя обѣщанія. Императоръ продолжалъ расточать передъ папою новыя завѣренія въ своемъ усердіи къ дѣлу уніи. Наконецъ фальшь и самообольщеніе съ той и другой стороны должны были разоблачиться. Папа Мартинъ IV въ 1281-мъ году вновь наложилъ проклятiе на Михаила Палеолога, какъ на лживаго обманщика и упорнаго ослушника римской церкви. Императоръ, узнавъ объ этомъ, самъ во время церковной службы остановилъ дьякона, хотѣвшаго по уніятскому обычаю поминать имя папы.

Такъ рушилась сама собою эта фальшивая сдѣлка, извѣстная подъ именемъ Ліонской уніи, основанная на обманѣ и насиліи, и неимѣвшая себѣ никакой опоры въ убѣжденіяхъ и чувствахъ православнаго народа. Никакихъ добрыхъ положительныхъ результатовъ для возстановленія истиннаго мира между церквами она не принесла, — только еще болѣе возбудила въ Грекахъ непріязнь къ римской церкви и недовѣріе ко всякимъ попыткамъ на примиреніе съ нею въ будущемъ времени, и оставила на будущія времена тяжелый урокъ относительно того, какъ несообразно въ великомъ дѣлѣ церковномъ водиться чуждыми церкви интересами и побужденіями, полагаться на какія либо внѣшнія силы, дѣйствовать противными духу церкви мѣрами принужденія и обмана и т. д.

Разстройство, произведенное этою уніею въ греческой имперіи и церкви, было такъ сильно, и народное озлобленіе противъ нея такъ велико, что когда въ 1282 г. умеръ главный виновникъ ея императоръ Михаилъ Палеологъ, народъ не допустилъ, чтобы ему оказаны были почести царскаго погребенія, и отъ жены его и сына наслѣдника престола Андроника потребовалъ, чтобы они дали публичное завѣреніе въ

своёмъ несочувствіи дѣлу уніи, и постарались искоренить и загладить всѣ слѣды ея въ греческой церкви. Въ 1283-мъ году въ Константинополѣ собранъ былъ для этой цѣли соборъ; на немъ осуждено было главное латинское нововведеніе о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ примирительная уніятская формула о происхожденіи Духа Святаго *отъ Отца чрезъ Сына*; патріархъ Веккъ и другіе главные виновники уніи низведены съ церковныхъ степеней и посланы въ ссылку; патріархомъ сдѣланъ былъ ученый богословъ Григорій Кипрскій, давній противникъ Векка и его уніятскихъ мыслей. Всѣ участвовавшіе въ уніи по увлеченію или по принужденію должны были подвергнуться строгимъ эпитиміямъ. Церкви, въ которыхъ поминалось имя папы и совершалось уніятское богослуженіе, вновь освящены, какъ оскверненныя. При всемъ томъ порядокъ въ Греческой церкви, разстроенный, въ нѣсколько лѣтъ насильственного распространенія уніи, ссылкой и низложеніемъ множества епископовъ, распріями духовенства и народа, не могъ быть возстановленъ въ цѣлыя десятки лѣтъ.

V.

Отношеніе между римскою и греческою церквами въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ.—Флорентійская унія.—Паденіе Константинополя.

Послѣ Ліонской уніи на долгое время въ Грекахъ оставалась такая глубокая непріязнь къ латинству, что правительство византійское, несмотря на все свое стѣсненное положеніе и на представлявшіяся отъ союза съ Римомъ выгоды, долго не рѣшалось вступать съ папами въ новыя соглашенія о соединеніи церквей, чтобы не вызвать раздраженія народнаго.

Между тѣмъ положеніе Византійской имперіи было весьма стѣсненное. Наступали послѣднія времена ея существованія. Византійское правительство опасалось новыхъ нападеній съ запада. Папы Бонифацій VIII-й, Климентъ V и ихъ дальнѣйшіе преемники въ XIV-мъ вѣкѣ продолжали возбуждать западныхъ государей и рыцарей къ крестовому походу на востокъ противъ непокорныхъ Грековъ. Правда, ихъ воззва-

нія имѣли мало успѣха; вся опасность для Византійской имперіи съ этой стороны ограничилась тѣмъ, что рыдари-Тамплиеры еще разъ въ 1306-мъ году завоевали и разграбили Θεσσαλονику — несчастный городъ, болѣе всѣхъ другихъ греческихъ городовъ потерпѣвшій отъ насилій западнаго крестоноснаго воинства. Но гораздо большая опасность, на которую вначалѣ Византійское правительство обращало мало вниманія, но которая съ теченіемъ времени возрастала болѣе и болѣе, угрожала Греческой имперіи съ Азіатскаго востока. Въ сосѣдствѣ съ имперіею стали усиливаться новые завоеватели, османскіе Турки. Съ самаго начала 14-го вѣка они стали нападать на Византійскую имперію, и затѣмъ до половины 15-го вѣка они отнимали у ней городъ за городомъ, область за областью, пока не положили конца ея существованію. Сильная опасность со стороны Турковъ стала угрожать Византійской имперіи со временъ султана Урхана, который въ 1339-мъ году взялъ Никомидію, и овладѣлъ азіатскими областями Византійской имперіи.

Съ 1355-го года Османы утвердились въ Европѣ. Въ 1369-мъ султанъ Мурадъ утвердилъ уже свою столицу въ Адрианополѣ. Къ концу 14-го вѣка при султанѣ Баязѣтѣ Турки покорили Македонію, Θεσσαлію, Элладу и Пелопонесъ. Византійская имперія съ начала XV-го вѣка ограничивалась небольшою областью, прилегавшею къ Константинополю.

Византійское правительство можетъ быть спасло бы свою имперію отъ Турковъ, еслибы при самомъ первомъ напорѣ этой силы на Европу успѣшило соединиться съ другими православно-христіанскими племенами, занимающими юго-востокъ Европы, съ Болгарами и Сербаміи. Но великое несчастье и вина юговосточныхъ православныхъ племенъ заключались въ томъ, что они непрестанно враждовали между собою, и не только не соединялись въ виду общей опасности, но даже нерѣдко направляли другъ на друга силы враговъ. Это несчастье сгубило всѣ юговосточныя православныя государства. Первымъ изъ нихъ пала Болгарія, подчиненная ближайшимъ родственнымъ племенемъ Сербовъ. За тѣмъ и Сербія, со-

всѣми подчиненными ей племенами, сдѣлалась достояніемъ Турковъ. Затѣмъ пришла очередь и до Византійской имперіи.

Византійское правительство, по старому предразсудку своему, полагало единственный источникъ спасенія на западѣ въ Римѣ. Но западъ Европейскій, въ которомъ папство воспитало пренебреженіе и ненависть къ православному востоку, не только съ равнодушіемъ, но иногда и съ злорадованіемъ смотрѣлъ на погибель православныхъ восточныхъ государствъ, не обращая вниманія и на то, что невѣрная сила, сокрушавшая ихъ, могла въ послѣдствіи сдѣлаться опасною и для всей христіанской Европы. На западѣ говорили, что востокъ схизматическій по справедливости терпитъ наказаніе Божіе отъ руки Турковъ за свое давнее упорство и непокорность римской церкви. Сами папы, своими прежними воззваніями возбуждавшіе въ западныхъ народахъ только непріязнь къ востоку, не могли уже новыми воззваніями возбудить въ нихъ состраданія къ погибавшимъ православнымъ восточнымъ племенамъ.

Въ виду народной непріязни къ латинству, византійское правительство на первыхъ порахъ тайло свои новыя сношенія съ папами. Въ первый разъ послѣ несчастной Ліонской уніи, императоръ Андроникъ младшій въ 1339 году, по взятіи Никомидіи Турками, послалъ посольство на западъ съ просьбою о помощи къ авиньонскому папѣ Бенедикту XII. Посольство это было отправлено тайно отъ народа, и возложено не на византійскаго Грека, а на пришлеца, ученаго греческаго монаха изъ Калабріи Варлаама, который самъ въ послѣдствіи оказался виновникомъ большой церковной смуты на востокѣ, едва ли не какъ агентъ латинства. Варлаамъ въ двухъ замѣчательныхъ рѣчахъ при авиньонскомъ дворѣ развивалъ такія мысли, что западные христіане непременно должны оказать восточнымъ помощь противъ Турковъ, какъ по братскому христіанскому долгу, такъ и въ интересъ своего собственнаго благосостоянія, ибо опасность отъ Турковъ грозитъ не одной Византійской имперіи, аи всей христіанской Европѣ, — что безкорыстною братскою помощію западные христіане скорѣе всего могутъ привлечь къ себѣ восточныхъ

христіанъ, также какъ прежде они всего болѣе озлобили ихъ противъ себя насиліями и притѣсненіями, что до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ это озлобленіе, нечего и думать о соединеніи церквей, а когда пройдетъ оно, легко будетъ устранить и всѣ другіе церковные поводы къ разрыву. Безпристрастные доводы Варлаама мало, однакожь, подѣйствовали на латинцевъ. Они отвѣчали ему: «а чтоже если мы подадимъ помощь Грекамъ, и Греки не присоединятся къ римской церкви?»...

Въ 1350 году папа Климентъ VI-й самъ возобновилъ переговоры о соединеніи церквей съ греческимъ императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Но Кантакузенъ, твердо преданный ученію своей церкви, и мало нуждавшійся въ союзѣ съ папою (потому что онъ заключилъ союзъ съ Турками), довольно сухо отвѣчалъ папѣ, что соединеніе церквей можетъ состояться не иначе, какъ послѣ тщательнаго обсужденія церковныхъ разногласій на вселенскомъ соборѣ, — не на такомъ соборѣ, каковъ былъ при Михаилѣ Палеологѣ Ліонскій соборъ, а на такомъ, на которомъ бы было совершенно свободно и безпристрастно изслѣдовано дѣло представителями всѣхъ восточныхъ патріарховъ, и который бы былъ собранъ въ какомъ нибудь изъ пограничныхъ городовъ на срединѣ разстоянія между Римомъ и Византією. Папы же въ то время высказывали такое убѣжденіе, что для соединенія греческой церкви съ римскою нѣтъ надобности въ новомъ соборѣ — такъ какъ на предшествовавшихъ соборахъ всѣ разногласія, существующія между церквами уже разрѣшены въ пользу римской церкви, и такимъ образомъ Грекамъ только остается безпрекословно принять всѣ ея мнѣнія.

Преемникъ Кантакузена Іоаннъ VI-й Палеологъ, въ виду опасности отъ Турковъ, уже проникшихъ въ Европу, былъ уже гораздо болѣе своего предшественника податливъ на желанія папы. Онъ сначала въ 1355 году засылалъ пословъ къ Иннокентію VI-му, затѣмъ въ 1389 году самъ ѣздилъ въ Римъ, униженно цѣловалъ папскую туфлю, исповѣдывалъ предъ Урбаномъ VI-мъ латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, обѣщалъ своихъ дѣтей воспитывать въ

латинствѣ, и одного изъ нихъ оставить заложникомъ въ Римѣ въ знакъ вѣрности, взялъ даже отъ папы переносный латинскій алтарь для отправленія латинскаго богослуженія при своемъ константинопольскомъ дворѣ.

Все это впрочемъ дѣлаемо было безъ всякаго участія со стороны народа, и не имѣло никакого значенія для греческой церкви. Въ политическомъ отношеніи униженіе императора предъ папою также не принесло никакой пользы Грекамъ. Папа разослалъ воззванія къ рыцарямъ Іоаннитскаго ордена, къ генуэзцамъ, венеціанцамъ, убѣждалъ ихъ подать помощь Грекамъ, соединиться для составленія новаго крестоваго похода на востокъ, но убѣжденія папы не имѣли успѣха.

Подобно Іоанну VI и его преемникъ Еммануилъ Палеологъ (1399—1425 г.) ѣздилъ на западъ въ Венецію, Францію, Англію, умолялъ о помощи папъ Бонифація IX-го и Иннокентія VII-го безъ всякаго успѣха. Бонифацій IX убѣждалъ западныхъ христіанъ подать помощь Грекамъ во имя того, что они все-таки носятъ названіе христіанъ, и въ той надеждѣ, что они за благодареніе оказанное имъ сдѣлаются покорными сынами римской церкви, но его никто не слушалъ. А папа Иннокентій VII долженъ былъ прямо сказать самому императору Еммануилу, что онъ ясно предвидитъ неминуемую и скорую гибель Византійской имперіи безъ помощи европейскаго запада, но ничѣмъ не можетъ помочь этой бѣдѣ. Точно также не имѣло никакихъ важныхъ послѣдствій и посольство, отправленное императоромъ Еммануиломъ въ 1414-мъ году на Констанскій соборъ для испрошенія помощи у западныхъ государей и переговоровъ о соединеніи церквей.

Наконецъ предпослѣдній изъ Палеологовъ Іоаннъ VI, въ виду крайняго положенія имперіи, которая въ его время уже вся почти заключалась въ стѣнахъ одного Константинополя, окруженнаго со всѣхъ сторонъ Турками, и не имѣла даже и 10000 собственнаго войска, рѣшился во что бы то ни стало пріобрѣсть помощь съ запада, и для этого рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ переговоры о соединеніи церквей сначала съ папою Мартиномъ IV-мъ, потомъ съ Евгеніемъ IV, который самъ прежде былъ легатомъ на

востокѣ, лично зналъ положеніе восточныхъ церквей, и тѣмъ ревностиѣ поэтому готовъ былъ стараться о подчененіи ихъ своему вліянію.

Папы въ то время имѣли особенныя побужденія хлопотать о присоединеніи греческой церкви. Папская власть въ XIV вѣкѣ, въ слѣдствіе долгихъ злоупотребленій, крайней распущенности Авиньонскихъ папъ, и соблазнительныхъ распрей между Римомъ и Авиньономъ во время такъ называемаго великаго раскола западной церкви (1378—1414), сильно колебалась. Папы потеряли свое прежнее вліяніе на западѣ Европы, должны были въ своей же церкви, въ средѣ своего латинскаго духовенства бороться съ сильною либеральною партіею, которая желала ограничить папскую власть властію вселенскихъ соборовъ и для этой цѣли созывала уже два собора въ Пизѣ (въ 1408) и въ Констанцѣ (въ 1414 г.), и вновь созывала соборъ въ Базелѣ (1431—1437 г.). Папамъ нуженъ былъ какой-нибудь особенно благопріятный случай, какое-нибудь блистательное дѣло, которымъ бы они могли поднять свой упавшій авторитетъ въ общественномъ мнѣніи Европы, и взять верхъ надъ враждебною имъ партіею. Такимъ блистательнымъ дѣломъ представлялось папству присоединеніе греческой церкви. Поэтому папа Евгений IV со всею рвениемъ схватился за предложеніе Іоанна Палеолога, и готовъ былъ даже сдѣлать значительныя пожертвованія и уступки и надавать Грекамъ самыхъ щедрыхъ обѣщаній съ тѣмъ только, чтобы достигнуть предполагаемаго соединенія церквей.

Между тѣмъ и члены враждебнаго папѣ Базельскаго собора, слышавъ о намѣреніи Греческаго императора присоединиться къ римской церкви, старались склонить его на свою сторону, и расточали предъ нимъ щедрыя обѣщанія. Папская и Базельская партіи готовы были вступить въ открытую борьбу изъ-за того, кому достанется честь присоединенія греческой церкви. Самъ Іоаннъ Палеологъ долго колебался, къ какой сторонѣ пристать. Наконецъ папа, надававшій ему болѣе льстивыхъ обѣщаній, склонилъ его на свою сторону.

Чтобы дать какой-нибудь ходъ своимъ замысламъ въ на-

родѣ, предубѣжденномъ противъ латинства и всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, императоръ всячески старался о томъ, чтобы предполагаемое соединеніе не представлялось дѣломъ его личного произвола и политическихъ расчетовъ (какъ неудачная унія Михаила Палеолога), а свободнымъ дѣломъ самой церкви, вызваннымъ искреннею ревностію о возстановленіи мира церковнаго. Императоръ поэтому настаивалъ, чтобы это дѣло рѣшено было на вселенскомъ соборѣ, собранномъ со всею важностію и видимымъ безпристрастіемъ, наподобіе древнихъ вселенскихъ соборовъ, изъ представителей западной и восточной церкви. А чтобы придать этому собору болѣе политическаго значенія, императоръ просилъ папу пригласить на него и западныхъ государей или уполномоченныхъ пословъ отъ нихъ для соглашенія о поддержаніи падавшей греческой имперіи. Папа соглашался на требованія императора тѣмъ охотнѣе, что для него представлялся случай созвать подъ своимъ предѣдательствомъ торжественнѣйшій вселенскій соборъ, и противопоставить его авторитетъ авторитету базельскаго собора.

Долгое время шли переговоры о томъ, гдѣ собрать этотъ предполагаемый соборъ. Греки не хотѣли, чтобы соборъ былъ созванъ въ Римѣ, гдѣ значеніе и самостоятельность представителей ихъ церкви могли быть совершенно подавлены вліяніемъ западной партіи. Но такъ какъ нельзя было созвать собора и въ Константинополѣ, угрожаемомъ Турками, то они требовали, чтобы соборъ созванъ былъ въ какомъ-нибудь изъ италіанскихъ городовъ, ближайшихъ къ востоку. Рѣшили наконецъ избрать для этого Феррару. Греки, при бѣдности своей, затруднялись тѣмъ, на что проѣхать въ Италію и жить тамъ. Папа взялся перевезти ихъ на своихъ собственныхъ судахъ, и содержать на свой счетъ во все время пребыванія ихъ въ Италіи.

Чтобы дать замышляемому дѣлу видъ полнѣйшаго безпристрастія, императоръ приказалъ разослать посланія по вѣмъ восточнымъ церквамъ, чтобы каждый изъ восточныхъ патріарховъ назначилъ отъ себя два полномочныхъ представителя на соборъ; кромѣ собственно греческихъ епископовъ положено

было пригласить представителей и изъ другихъ православныхъ, странъ—изъ Россіи ⁽⁶⁾, Болгаріи, Сербіи, Румыніи, Грузіи, и взять на соборъ знаменитѣйшихъ греческихъ ученыхъ духовныхъ и свѣтскихъ. Впрочемъ число всѣхъ восточныхъ епископовъ назначенныхъ на соборъ было не болѣе 25-ти; большая часть ихъ принадлежала къ Константинопольской церкви, и нѣкоторые вѣроятно уже предварительно вошли въ соглашеніе съ императоромъ относительно своихъ дѣйствій на соборѣ; изъ другихъ церквей, изъ цѣлыхъ обширныхъ православныхъ странъ назначено было по одному—по два представителя. Отъ восточныхъ патріарховъ представителями были назначены личности, предварительно указанные самимъ императоромъ и жившія въ Константинополѣ; и послѣ по усмотрѣнію императорской партіи онѣ произвольно перечислялись отъ одного патріарха къ другому. Во главѣ всѣхъ представителей греческой церкви, отправились на соборъ самъ императоръ и Константинопольскій патріархъ Іосифъ—человѣкъ престарѣлый, больной и слабо-характерный, въ которомъ императоръ не надѣялся встрѣтить какого-либо противодѣйствія своимъ планамъ на соборѣ. 22-го ноября 1437 года Греки отправились изъ Константинополя, 3-го марта 1438 года прибыли въ Италію. Съ самаго начала при свиданіи греческихъ епископовъ съ латинскими между ними поднимались недоразумѣнія и споры изъ-за того, какія церемоніи должно соблюдать при встрѣчѣ патріарха съ папою, должны ли они встрѣтиться какъ равный съ равнымъ или какъ низшій съ высшимъ, или гдѣ должно быть устроено на соборѣ мѣсто для греческаго патріарха—рядомъ съ папскимъ, или въ нѣкоторомъ почтительномъ отдаленіи отъ него. Споры изъ-за подобныхъ внѣшнихъ церемоній естественно не могли обѣщать мирныхъ соглашеній въ разсужденіяхъ о важнѣйшихъ

(6) Въ Россію незадолго передъ этимъ нарочно отправленъ былъ митрополитомъ, помимо желанія великаго князя и духовенства русскаго, Грекъ Исидоръ, втайнѣ предрасположенный къ униі; онъ самъ также вопреки желанію великаго князя и духовенства русскаго, и отправился на соборъ представителемъ за русскую церковь, и явился тамъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ соединенія.

предметахъ разномыслія церковнаго, о догматахъ церковныхъ, о правахъ и самостоятельности церквей. Далѣ Греки, надѣявшіеся вліяніемъ собора пріобрѣсти для своей имперіи помощь съ запада, скоро должны были увидѣть, что соборъ этотъ на самомъ западѣ не можетъ быть такъ вліятеленъ, какъ общалъ имъ папа. Папа дѣйствительно приглашалъ на этотъ соборъ западныхъ государей; но они не являлись и даже не присылали пословъ своихъ. Епископовъ со всей западной церкви собралось къ открытію собора только 70, между тѣмъ какъ на другихъ западныхъ такъ называемыхъ вселенскихъ соборахъ бывало ихъ до тысячи и болѣе. Большая часть западныхъ епископовъ сочувствовала враждебному папѣ базельскому собору. Тщетно папа гремѣлъ прещеніями противъ базельскаго собора, и приказывалъ присутствовавшимъ на немъ епископамъ перейти на соборъ въ Феррару. Епископы базельскаго собора протестовали въ свою очередь противъ собора Феррарскаго и подъ угрозой низложенія требовали, чтобы папа распустилъ его. Далѣ съ первыхъ же мѣсяцевъ послѣ прибытія Грековъ въ Италію папа сталъ задерживать обѣщанное имъ содержаніе и это въ продолженіе всего пребыванія Грековъ въ Италіи было употребляемо имъ, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ склонить Грековъ къ покорности и соглашенію. Какъ скоро Греки начинали о чемъ либо горячо спорить съ латинянами, имъ не давали содержанія; когда же они склонялись къ уступчивости, имъ выдавали жалованье, задержанное за цѣлые мѣсяцы, въ награду за послушаніе.

Лѣтомъ открылась въ Феррарѣ моровая язва, и жертвою ея сдѣлались нѣкоторые изъ Грековъ. Все это привело Грековъ въ такое уныніе, что они стали просить императора о возвращеніи въ Константинополь. Но имъ сказано было, что нечего и думать о возвращеніи не пришедшихъ къ какому либо соглашенію съ папою, да притомъ и не на чемъ и не на что возвратиться (такъ какъ у нихъ не было ни своихъ судовъ, ни денегъ). Нѣкоторые епископы тайно бѣжали изъ Италіи. Императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ остальныхъ никто не былъ выпускаемъ изъ города. При такомъ

положеніи дѣла конечно нельзя было думать о серьезномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи причинъ раздѣленія и мѣръ къ соединенію церквей. Тѣмъ не менѣе, чтобы дать дѣлу видъ настоящихъ соборныхъ разсужденій, начаты были между греческими и латинскими богословами совѣщанія о главныхъ предметахъ разномыслія между церквями — сначала частныя съ іюня, потомъ торжественныя съ октября 1438 года. Съ той и другой стороны избраны были лучшіе ученые и ораторы для веденія совѣщаній.

Изъ Грековъ преимущественно отличались митрополиты Маркъ ефесскій и Виссаріонъ никейскій (оба ученые и краснорѣчивые, — но одинъ твердо преданный православію, другой втайнѣ расположенный къ уніи), и свѣтскіе ученые — Гемистъ Плетонъ, Георгій Схоларій, изъ западныхъ богослововъ кардиналы Юліанъ Цезарини, Николай Албергати и ученый испанскій докторъ доминиканецъ Іоаннъ Monte Nigro. Главными предметами споровъ были латинское ученіе о чистилищѣ и приращеніе къ символу вѣры слова *Filioque*. Относительно перваго вопроса не пришли ни къ чему опредѣленному, во второмъ — греческіе богословы, основываясь на ясныхъ свидѣтельствахъ древнихъ вселенскихъ соборовъ и св. отцевъ, ясно доказали произвольность и несправедливость латинскаго приращенія къ символу. Западные богословы старались прекратить разсужденія объ этомъ вопросѣ, въ которомъ ясно чувствовали свою несостоятельность и на мѣсто изслѣдованія свидѣтельствъ древней исторіи, прямо говорившихъ противъ западнаго нововведенія, намѣренно старались перевести споръ въ пустыя отвлеченныя схоластическія умствованія. Императоръ греческій постоянно внушалъ своимъ епископамъ быть сдержаннѣе и уступчивѣе въ спорахъ съ латинянами, и чтобы они на самомъ дѣлѣ были сдержаннѣе и уступчивѣе, приказалъ за каждымъ совѣщаніемъ наблюдать своему свѣтскому чиновнику, и обо всемъ доносить ему; а самымъ твердымъ и непреклоннымъ защитникамъ православія, каковъ былъ по преимуществу митрополитъ ефесскій Маркъ, прямо запрещалъ было являться на соборъ и вступать въ состязанія.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, приверженцы уніи видѣли, что

если даже совѣщанія соборныя будутъ продолжаться въ такомъ тонѣ, какъ они начались въ Феррарѣ, онѣ никогда не приведутъ къ желаемой цѣли.

Чтобы дать дѣлу другое направленіе, въ началѣ 1439 года, какъ бы изъ опасенія возобновленія въ Феррарѣ на лѣто моровой язвы, рѣшились перенести соборъ далѣе въ глубь Италіи — во Флоренцію. Тамъ предполагено было поставить Грековъ еще въ болѣе стѣсненное положеніе, и волей-неволей вынудить ихъ къ покорности требованіямъ папскимъ. Для виду и здѣсь сдѣлано было нѣсколько открытыхъ совѣщаній объ исхожденіи Духа Святаго отъ Сына. Но эти совѣщанія не имѣли уже никакого серіознаго и искренняго значенія. Главный защитникъ православія Маркъ Ефесскій на нихъ почти вовсе не являлся. Тайные руководители уніи, каковы были Виссаріонъ митрополитъ Никейскій и Исидоръ Русскій, въ Феррарѣ еще показывавшіе себя преданными православію, во Флоренціи явно перешли на сторону уніи. Прочіе греческіе епископы принуждены были молчать; ораторствовали одни западные богословы о преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ.

Когда и такой способъ убѣжденія никого не убѣдилъ въ преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ, императоръ приказалъ своимъ епископамъ составить такую формулу соединенія, въ которой бы искусно были примирены или скрыты разномыслія между церквами, или предложенъ былъ бы какой-нибудь способъ примирить церкви, не касаясь вѣроисповѣдныхъ разностей между ними. Когда и это подало новый поводъ къ разнорѣчіямъ и спорамъ, приказано было прекратить всѣ разсужденія, прямо отбирать голоса, кто согласенъ на унію и кто несогласенъ. Тогда начали дѣйствовать главные руководители уже давно замышленной уніи: Виссаріонъ Никейскій, Исидоръ Русскій и императорскій духовникъ Григорій Мамма. Фальшивыми убѣжденіями во имя спасенія отечества, льстивыми обѣщаніями, богатыми подарками, роскошными обѣдами, наконецъ угрозами и представленіемъ невозможности противорѣчить папѣ, живя на его счетъ въ Италіи, они стали переманивать одного епископа за дру-

гимъ на сторону уніи. И когда почти всѣ дали вынужденное согласіе на нее, составленъ былъ актъ соединенія, въ которомъ, по настоящему требованію папскому признаны были всѣ незаконныя преимущества, усвоенныя на Западѣ римскому престолу, и латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына; относительно прочихъ предметовъ разномыслія Грекамъ предоставлялась свобода держаться своихъ древнихъ мнѣній, или слѣдовать ученію римской церкви.

5-го іюля 1439 года греческіе епископы, собравшись у императора, подписали этотъ актъ измѣны православію. Не доставало подъ нимъ подписи патріарха константинопольскаго Іосифа, который незадолго передъ тѣмъ умеръ, и трехъ мѣстоблюстителей патріарховъ восточныхъ Діонисія Сардійскаго, Антонія Ираклійскаго и Марка Ефесскаго. Діонисій умеръ еще въ Феррарѣ, Антоній не явился на собраніе подъ предлогомъ болѣзни, Маркъ не хотѣлъ идти ни на какія сдѣлки съ латинствомъ. Антонія принудили подписаться на одрѣ болѣзни, но Марка не могли склонить на измѣну православію никакія убѣжденія и угрозы.

Когда принесли къ папѣ этотъ актъ, подписанный греческими епископами, первый вопросъ его былъ: «подписался ли Ефесскій», и когда ему сказали, что нѣтъ, Евгеній произнесъ: «ну, такъ мы ничего не сдѣлали». Въ этихъ словахъ папы вѣрно выразилось и значеніе Марка, главнаго представителя православія въ то время, и незначительность результатовъ, достигнутыхъ соборомъ. Тѣмъ не менѣе актъ соединенія между греческою и римскою церквами былъ торжественно объявленъ во Флорентійскомъ соборѣ 6-го іюля 1439 года. А незадолго передъ тѣмъ, 25-го іюня, на базельскомъ соборѣ было произнесено осужденіе и отлученіе на папу Евгенія, и рѣшено избрать вмѣсто него другаго папу. Неискренность примиренія, заключеннаго во Флоренціи между Греками и латинянами, стала обнаруживаться немедленно, когда Греки еще были въ Италіи. По заключеніи примиренія между Греками и латинцами начались новые споры. Тѣ самыя изъ греческихъ епископовъ, которые дали согласіе на унію, не хотѣли служить и причащаться вмѣстѣ съ латин-

скими епископами, не хотѣли поминать имени папскаго на богослуженіи. Папа съ своей стороны не позволялъ Грекамъ во Флоренціи открыто служить литургію по греческому обряду.

Когда же греческіе епископы возвратились въ Константинополь, многіе изъ нихъ прямо объявили народу, что они вынуждены были во Флоренціи подписать согласіе на унію, и горько раскаявались въ этомъ, какъ въ измѣнѣ православію. Народъ сильно возмутился противъ папства, проклиналъ флорентійское соединеніе, и ублажалъ Марка—твердаго защитника православія. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и думать о распространеніи, ни даже объ обнародованіи уніи. Пытались провести унію въ народъ незамѣтно и постепенно; для этого на высшія мѣста церковныя старались возводить тайныхъ приверженцевъ уніи; на самый патріаршій престолъ константинопольскій преемственно одинъ за другимъ возводили были уніаты—Митрофанъ Кизическій и Григорій Мамма. Старались привлечь народъ въ унію тѣмъ, что на первыхъ порахъ позволяли всѣмъ послѣдователямъ уніи безразлично содержать греческія мнѣнія и обряды или латинскія. Но твердые и прозорливые защитники православія Маркъ Ефесскій, его ученые послѣдователи Геннадій Схоларій, сдѣлавшійся въ послѣдствіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ патріарховъ Константинопольскихъ, Сильвестръ Сиропулъ, написавшій исторію флорентійскаго собора и другіе поборники православія тщательно разоблачали замыслы и интриги уніатской партіи, и утверждали въ народѣ преданность православію. Въ 1450 году три восточные патріарха александрійскій, антioxійскій и іерусалимскій со многими епископами составили въ Константинополѣ соборъ, на которомъ низложили уніята патріарха Григорія Мамму, возвели на престолъ константинопольскій православнаго патріарха Аѳанасія, и произнесли отъ всей восточной церкви осужденіе на флорентійскій соборъ и на пріемлющихъ его неправое соединеніе. Самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ, главный виновникъ этой неудавшейся уніи, еще прежде отрекся отъ нея передъ смертію своею въ 1448 году. Уже при пре-

емникъ Іоанна Палеолога Константинъ XI-мъ, когда Константинополь со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ турками, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія греческой имперіи, прибылъ изъ Рима кардиналъ Исидоръ, бывшій митрополитъ Русскій, и объявилъ въ храмѣ св. Софіи декретъ флорентійскаго собора 12 декабря 1452 года. Греки разбѣжались изъ храма, и перестали посѣщать его, такъ какъ онъ, по ихъ убѣжденіямъ былъ оскверненъ уніятствомъ. Только три епископа и нѣсколько священниковъ рѣшились принять унію. Ненависть къ уніи въ народѣ дошла до ожесточенія. Греки бѣжали отъ уніятскихъ священниковъ, какъ отъ зачумленныхъ и скорѣе соглашались умереть безъ покаянія, нежели принять напутствіе отъ кого либо изъ такихъ священниковъ. Въ Константинополѣ повсюду раздавались клики: «лучше достанемся Туркамъ, чѣмъ папистамъ, лучше турецкая чалма, чѣмъ папская тіара». Въ такихъ обстоятельствахъ Константинополь былъ взятъ Магометомъ II, 29 мая 1453 г. Унія флорентійская не только не предотвратила, но можетъ быть напротивъ ускорила паденіе греческой имперіи, возбудивъ противъ Грековъ особенную подозрительность со стороны Турокъ, и увлекши народъ въ религіозныя волненія въ то время, когда ему нужно было сосредоточить всѣ оставшіяся у него силы на поддержаніе погибавшей свободы и народности.

Западъ не оказалъ никакой помощи погибавшему Константинополю. Правда, была послѣ флорентійскаго собора сдѣлана къ этому одна попытка; но попытка эта кончилась въ высшей степени несчастливо. Воззванія папы Евгенія IV, и хлопоты одного изъ главныхъ дѣятелей флорентійской уніи кардинала Юліана Цезарини, равно какъ и сознаніе опасности, угрожавшей отъ Турокъ всему западу Европы, побудили наконецъ въ 1444 году одного молодаго горячаго европейскаго государя Владислава Венгерскаго съ большимъ войскомъ выступить на борьбу противъ Турокъ. Но войско это было разбито на голову подъ Варною; самъ Владиславъ былъ убитъ, также и кардиналъ Цезарини. Послѣ этого никто изъ Европейскихъ государей не осмѣливался противостать сокрушительной силѣ Турокъ.

Подобно тому какъ въ Греціи, и въ другихъ православныхъ странахъ—въ Россіи Грузіи, Молдавіи, Сербіи, Болгаріи флорентійская унія не имѣла никакого успѣха. Въ Россіи при первой попыткѣ возвратившагося изъ Италіи митрополита Исидора помянуть имя папы на богослуженіи, великій князь и народъ такъ возстали противъ этого, что Исидоръ едва успѣлъ бѣгствомъ спастись отъ раздраженія народнаго. Онъ ушелъ въ Римъ, и тамъ умеръ кардиналомъ; точно также другой изъ греческихъ митрополитовъ ревностный приверженецъ уніи Виссаріонъ Никейскій, поселившись въ Италіи, не только въ награду за свою приверженность къ уніи получилъ кардинальское достоинство, но и приобрѣлъ себѣ такое уваженіе въ западной церкви, что его неоднократно хотѣли избрать папою. Такимъ образомъ всѣ результаты флорентійскаго собора по отношенію къ восточной церкви, очевидно, были ничтожны; тѣмъ не менѣе западные ученые богословы и историки доселѣ стараются представить эти результаты въ другомъ, совершенно невѣрномъ и преувеличенномъ видѣ. Они любятъ указывать на флорентійскій соборъ во свидѣтельство того, что вотъ нѣкогда восточная церковь совершенно готова была признать главенство папы и даже латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, и признала бы, еслибы только не помѣшалъ этому одинъ человекъ, мятежный Маркъ Ефесскій. Самый ходъ дѣла ясно показываетъ, на сколько флорентійское опредѣленіе могло служить выраженіемъ убѣжденій восточной церкви, и какъ вообще восточная церковь сама по себѣ далека была отъ всякихъ сдѣлокъ съ латинствомъ, предпринимавшихся во имя ея авторитета лишь нѣсколькими личностями, которыя руководились въ великомъ дѣлѣ церковномъ даже и не церковными, а политическими интересами.

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

БОГОМАТЕРЬ, ПРЕДТЕЧА, ЕВАНГЕЛИСТЫ, АПОСТОЛЫ

И ПРОЧІЕ СВЯТЫЕ

ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.

Богоматерь.

Исключая достопокланяемый ликъ Спасителя, нѣтъ въ христіанской иконографіи ни одного предмета, который бы такъ часто былъ изображаемъ, такъ увлекалъ сердце, такъ упражнялъ талантъ художниковъ всѣхъ временъ, какъ ликъ Пресвятой Дѣвы.

Въ первенствующей Церкви были еще нѣкоторыя сомнѣнія: былъ ли Искупитель міра прекрасенъ по внѣшнему образу и подобію? ^(а) Но касательно лика Святѣйшей изъ Дѣвъ никогда не было ни малѣйшаго сомнѣнія: Она было *олицетвореніе доброты*, *figura probitatis*,—голосъ всей Церкви, выраженный св. Амвросіемъ Медиоланскимъ (*de virgin. L. I. II. c. 2.*) Всѣ художники съ перваго, кто осмѣлился изобразить «честнѣйшую херувимъ Матерь Бога нашего», малые и великіе, старались придать лику Приснодѣвы всю красоту и нѣжность, все достоинство и величіе, какія воображеніе и кисть ихъ придать были въ состояніи.

Самое первое по времени, послѣ приписываемыхъ преданіемъ св. ев. Лукѣ иконъ Богоматери, изображеніе, въ которомъ

(а) См. Сбор. общ. древ. руск. искусства, ст. г. Буслаева объ иконописи, стр. 49.

она является, есть *поклоненіе волхвовъ*, — икона, многократно встрѣчаемая на фрескахъ и саркофагахъ катакомбъ. Обыкновенно Она изображалась и изображается въ самонѣжнѣйшей юности; боголѣпная чистота сіяетъ во всѣхъ чертахъ Ея лика. Какъ замужняя женщина, Она имѣетъ на главѣ покрывало, ниспадающее на плечи, по обычаю замужнихъ женщинъ Іудейскихъ ^(б). Иногда же Она пишется съ непокрытою главою, въ знакъ Ея приснодѣвства, съ распущенными по плечамъ волосами. Со временъ Юстиніана встрѣчаются изображенія Приснодѣвы безъ Предвѣчнаго Младенца на рукахъ. Иногда изображалась Она стоящею на драконѣ — намекъ на пророчество, что *Сымя жены сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15); иногда окруженная свѣтомъ, какъ Апокалипсическая жена, *стоящая въ солнцѣ* (Ап. 12, 1.); иногда съ мечемъ въ груди, въ воспоминаніе Симеонова пророчества *объ оружіи, которое пройдетъ душу Ея*. (Лук. 2. 35) ^(в). Позднѣйшая иконопись преимущественно любила изображать Ее, какъ Матерь Бога, высшую небесъ, Царицу Ангеловъ. Облаченіе Ея отличается столько же простотою, сколько и вкусомъ: красная (символь страданій), оранжевая (атрибутъ вдохновенія), пурпурная (воспоминаніе о царскомъ происхожденіи) верхняя одежда (гиматіонъ), синяя или голубая (небо) нижняя — вотъ весь нарядъ Ея! И тяжело смотрѣть, какъ иногда какой нибудь немудрый изографъ умудрится распестрить Ее всевозможными колерами: покрывало желтое или зеленое; подрукавники бѣлые или голубые; туника розовая или пурпурная, желтой поясъ, мантия синяя или фіолетовая.... Цѣлая радуга! Да еще кстати распустить великолѣпные волосы и дорогой

(б) Пять дней въ св. землѣ. Душеп. Чт. замѣтка объ одеждѣ нынѣшнихъ Визеемлянотъ.

(в) См. о Христ. Живописи Правосл. Собесѣдникъ 1865 г. февраль.

булавкой пришилить очень казисто написанный вуаль! О, Ты, любившая скрывать глаголы въ сердцѣ своемъ, дщерь Царева, которой красота внутрь, прости имъ: *не въдятъ бо что творятъ!*—Не хуже этихъ италианизированныхъ художниковъ умѣютъ обезобразить ликъ Приснодѣвы наши византийствующіе художники. Надѣнуть на непорочную главу громадную, тяжелую и неуклюжую корону, обвѣшаютъ покрывало *рысами златыми*. Мишура, мишура ^(г). Прости имъ; *не въдятъ, что творятъ!* Зачѣмъ Ея чистотѣ, зачѣмъ Ея красотѣ эти тряпки, эти погремушки? *Вся чиста еси ближняя моя и порока нѣсть въ тебѣ* (macula non!) — вотъ Ея уборъ (Пѣснь пѣсней 3, 7.)

Историческихъ свидѣтельствъ о наружности Богоматери мы не имѣемъ, если не принимать во вниманіе поздняго свидѣтельства Георгія Кедрина (Synopsis), писателя XI в., который, по преданію, говоритъ: «имѣла возрастъ средній, шенный цвѣтъ лица, волосы бѣлокурые, взоръ свѣтлый, очи миловидныя, любила одежды не крашенныя.»

Есть существенная разница между тѣмами и манерами ху-

(г) Здѣсь рѣчь идетъ не о золотѣ собственно, а о вкусѣ. Повторимъ сказанное прежде: всѣ эти украшенія идутъ въ дѣло, когда Приснодѣва изображается какъ Царица небесъ въ идеальномъ величій своемъ (напр. икона Кіевонечерской Б. Матери). но неумѣстны среди исторической обстановки, напр. на иконахъ Благовѣщенія, Введенія и т. п. Да и тамъ надо беречь золото, — вкусъ дороже золота. — На челѣ и плечахъ Богородицы обыкновенно изображаются три золотыя звѣзды, якобы въ знакъ того, что Она до рождества, въ рождествѣ, по рождествѣ пребыла Дѣвою, и потому есть и называется *Приснодѣва*. Не отрицая такого символическаго объясненія, замѣтимъ, что эти звѣзды или банты—довольно обыкновенное украшеніе одеждъ у древнихъ. Они дѣлались изъ металла или пурпура, назывались Calliculae, накладывались на подолъ и плечахъ разныхъ одеждъ въ различномъ количествѣ, напр. на одеждѣ Дидоны на ватиканской рукописи Виргиліевой Енеиды. — См. у Мартиньи Calliculae.

дожниковъ сѣвера и юга, запада и востока. Протестантскій сѣверъ избралъ преимущественно предметомъ вдохновеній образъ страждущаго Искупителя, югъ—Мадонну ^(д). Западъ изображаетъ Ее преимущественно какъ Матери Дѣву, востокъ преимущественно какъ Царицу. Въ восточной иконографіи Она постоянно изображается въ богатой одеждѣ, часто съ короною на главѣ, сѣдущею на тронѣ (даже во время Благовѣщенія). Невозставая противъ такого направленія, замѣтимъ однако, что первенствующая церковь не боялась приникать благочестивымъ вниманіемъ къ обыденной жизни Дѣвы Назаретской. Древнія иконы Благовѣщенія представляютъ ее запряжею, или съ кувшиномъ въ рукѣ у источника, выслушивающую привѣтствіе Ангела. Хотя новые иконописцы, принимая во вниманіе безсѣменное зачатіе и безболѣзненное рожденіе Іисуса Христа, справедливо пишутъ ее сидящею, но древнѣйшіе иконописцы не затрудняются представлять ее лежащею у яслей, по образу обыкновенныхъ женъ родильницъ.... Но да не будетъ спора! Оба направленія равночестны, приличны и святы. Въ защиту западнаго направленія искусства, на которое нападать обратилось въ привычку, въ общее мѣсто, смѣемъ возвысить нашъ смиренный голосъ. Не безчестно художнику приникнуть благоговѣйнымъ вниманіемъ и къ частностямъ, такъ сказать, домашней жизни Приснодѣвы. Благоговѣйно и честно изображать ее какъ Царицу небесъ; не нескромно изображать ее и какъ жену тектона Галилейскаго. Осмѣлился же Вселенскій Учитель ^(е) благоговѣйною мыслію

(д) Картины Рус. живописи С. П. Б., по поводу Мадонны Бруни.

(е) Прочтите это замѣчательное слово Златоуста въ прологѣ подѣ 25 марта: «лице дѣвиче, устроеніе дѣвиче, очи дѣвичи, смѣхъ дѣвичъ, бесѣда дѣвича, а чрево не дѣвиче, а матернее!» Пусть примутъ во вниманіе это тѣ, которые не желаютъ прида-

погрузиться въ частную жизнь Пренепорочной, воспроизвести въ умѣ ея мысли и рѣчи, сомнѣнія Іосифа, слезы и *смыхъ двѣицъ* ... Пусть только художникъ съ чистымъ сердцемъ приступаетъ къ изображенію «Чистѣйшей свѣтлостей солнечныхъ.»

По ходу рѣчи всего ближе говорить объ иконѣ *Благовѣщенія*. *Благовѣщеніе на колодезь*, или у источника, и съ веретеномъ въ современной иконописи что-то не встрѣчается; встрѣчается обыкновенно Благовѣщеніе съ книгой; тутъ же иногда, въ миниатюрѣ, гдѣ нибудь въ дальнемъ уголкѣ, рисуется нѣчто въ родѣ бесѣдки или бельведера, къ которому слетаетъ ангелъ: это *благовѣщеніе во храмъ*. Въ живописи Благовѣщеніе изображается чрезвычайно разнообразно, но рѣдко удачно. Удачнѣе другихъ пишущему кажется рисунокъ помѣщенный въ св. исторіи Базарова. Въ углу комнаты у наоя, стояла Пр. Дѣва и молилась;— вдругъ скрипнула дверь—она обернулась: входитъ Ангелъ. Просто, естественно. Но за чѣмъ же ангелъ присѣдаетъ на одно колѣно? Это не въ обычаяхъ еврейскихъ. Неумѣстны также золотыя кресла, занавѣсы, богатые облаченія на иконописныхъ изображеніяхъ Благовѣщенія. Живопись избѣгаетъ этой ошибки, но иногда впадаетъ въ другую крайность, въ театральность: вмѣсто иконы выходитъ какая-то иллюминація, букетъ цвѣтовъ, нѣжащихъ зрѣніе, что-то въ родѣ такъ называемыхъ *живыхъ картинъ*. Архангелъ весь изъ эфира и радуги; одежды ослѣпительной бѣлизны вѣютъ какъ облако, кисея, газъ; блѣдно-лиловыя крылья, шолковый розовый шарфъ (орарь); что-то въ родѣ жилета (корсетъ?) растянутое на груди блещетъ оранжевымъ атласомъ; золотыя кудри вѣютъ; поза, жестъ, все раз-

вать изображенію Богородицы не только красоты, но даже и юности.

читано на эффект! Приснодѣва на колѣнахъ, въ красивой позѣ на бархатной подушкѣ съ золотыми кистями; бѣлье такъ сіяюще, складки голубаго одѣянія до того бирюзово-небесны, столь накрахмалены, такъ щеголевато сложены, что, видимо, не обыкновенную жизнь, не происшествіе въ Назаретѣ пишетъ живолисецъ, а все подбираетъ для блестящей *живой картины!* Нѣтъ, берите сюжеты для подобныхъ произведеній откуда угодно, только Благовѣщенія не трогайте!

Богородица является еще на иконахъ Рождества, Распятія, во гробъ положенія, Вознесенія, Сошествія св. Духа и Успенія. Обо всѣхъ этихъ иконахъ довольно замѣтить: 1) на нихъ не слѣдуетъ писать Ее въ богатой одеждѣ; 2) не то лице Ея на Успеніи, что на Благовѣщеніи; но старость должна быть благоизрядная, святолѣпная. На иконѣ Успенія иногда, гдѣ нибудь на сторонкѣ, изображается, какъ Пр. Дѣва, являсь Апостолу Ѳомѣ, въ утѣшеніе, даритъ ему свой поясъ. Поясъ пишется обыкновенно въ родѣ нашихъ: узенькая ленточка, или снурокъ аршина въ полтора длиною. Брачный поясъ Еврейскихъ дѣвицъ былъ великолѣпный и дорогой шарфъ, нѣсколько разъ обвивавшій талію. Отдавая его избраннику, этимъ выражали согласіе на бракъ. Такимъ образомъ Пр. Дѣва, отдавая, по смерти, свой поясъ, образно и лаконически говоритъ: *Я—Приснодѣва!* (Мой поясъ до гроба не принадлежалъ никому)! Какой выразительный урокъ любвеобильному, но всегда склонному къ сомнѣніямъ апостолу!

Нѣкоторые новые живописцы изображаютъ Богородицу, лежащую въ обморокѣ у подножія креста («Христосъ на Голгоѣ» Штейбена, «снятіе со креста» Даніеля Вольтерры). Строгіе иконопочитатели соблазняются такимъ видомъ изнеможенія..... Полагаемъ, что лучше избѣгать изображенія этой тягостной сцены, но она совершенно возможна, очень

вѣроятна. Пусть всякій представитъ себѣ положеніе матери въ такихъ обстоятельствахъ, матери съ душою столь возвышенной и любвеобильной, какъ душа Приснодѣвы Маріи. Во дни молодости являлся Ей сіяющій Ангелъ, говорилъ Ей торжественныя и радостныя рѣчи: у Ней будетъ Сынъ! Онъ наслѣдуетъ престолъ прародителя Давида! Царству Его не будетъ конца! А теперь, когда и силы оскудѣли, и кормить некому, этотъ Сынъ, *чаяніе языковъ, утѣха Израиля, со беззаконными вмѣнися*, повѣшенъ какъ бунтовщикъ, измѣнникъ! «Теперь Марія оставалась одна въ семь мірѣ, оставалась матерію уже не Іисуса, всѣми любимого и уважаемаго, Коего страшился самъ Синедрионъ, Который составлялъ предметъ надеждъ Израиля, — а Іисуса, всѣми оставленнаго, поруганнаго, окончившаго жизнь на Голгоѣѣ, вмѣстѣ съ злодѣями»^(ж). О вы, мимоходящіе путемъ симъ, обратитесь, взгляните! Есть ли болѣзнь, подобная болѣзни моей! (Плачь Іереміи 1, 12). Пусть прочитаютъ обильный слезами канонъ повечерія Вел. Пятницы, *плачь Богородицы*, твореніе св. Андрея Критскаго, и вникнуть въ эти рѣчи, полныя неутѣшнаго горя! Незабвенный авторъ «Послѣднихъ дней зем. жизни Іисуса Христа», описывая, какъ Голгоѣскій Страдалецъ поручилъ свою сиротѣющую Матеръ попеченіямъ возлюбленнаго ученика, вслѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ, что, по ходу евангельскаго повѣствованія, замѣтно отсутствіе Богоматери на Голгоѣѣ...^(з); что, повидимому, ученикъ удалилъ Ее съ лобнаго мѣста отъ тягостнаго зрѣлища послѣднихъ минутъ крестной смерти, а самъ вскорѣ возвратился принять послѣдній вздохъ своего друга и Бога. Не отстраняя сего изъясненія, съ неменьшею вѣроятностію можно допустить, что Она, не удаляясь

(ж) Послѣдніе дни з. жизни Господа нашего І. Христа 1860 г. Изд. 2. Стр. 423.

(з) Тамже стр. 425

отъ креста, впала въ безчувствіе, выслушавъ крестное завѣщаніе, и такимъ образомъ была избавлена тягостнаго зрѣлища милосердіемъ Сына, не попускающаго искушенія выше силы. Такая догадка подкрѣпляется, если принять въ соображеніе разстояніе Голгофы отъ Іерусалима. Какъ успѣлъ проводить Ее туда и придти обратно возлюбленный ученикъ Ея Сына и нареченный сынъ Его Матери?

Всякому извѣстно, какъ много такъ называемыхъ «явленій» Богородицы; но вѣроятно никто не знаетъ полнаго числа всѣхъ явленій и опредѣляемыхъ ими наименованій иконъ. Однѣ изъ иконъ Богородицы называются по изображенному событію: «Не рыдай мене Мати», «Цѣлованіе Маріино»; другія по именамъ Богородицы: «Неопалимая купина», «Нетлѣнный цвѣтъ»; третьи по Ея свойствамъ и силамъ: «Всѣхъ скорбящихъ Радость», «Умягченіе злыхъ сердецъ», «Утоли моя печали»; четвертыя по мѣсту явленія: Іерусалимская, Казанская, Кіевопечерская, Оеодоровская и т. д. Всѣ вмѣстѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какою глубокою и теплою вѣрою, какимъ всеобщимъ почтеніемъ народовъ окружено имя Заступницы рода христіанскаго.

Невозможно имѣть точные снимки со всѣхъ иконъ Богородицы. Писать съ первой попавшейся суздальской копіи, или печатной картинки, неловко. Въ первыхъ много ошибокъ, а во вторыхъ—произвола. Что дѣлать? Мы держимся того мнѣнія, что лучше рисовать съ суздальскихъ копій и лубочныхъ картинъ (онѣ строже держатся оригинала, копируютъ по возможности буквально); но не обязать образованный художникъ буквально копировать грубоватость, неуклюжесть первоначальныхъ рисунковъ,—эти фигуры безъ округлости и свѣтотѣни, лица безъ жизни и выраженія, контуры членовъ и складки одеждъ безъ истины, безъ рельефности.... Какъ хорошій музыкантъ, нашедши гдѣ-нибудь въ старинномъ оби-

ходѣ древній выразительный мотивъ, но изложенный дубовато, чуть не на крюковыхъ нотахъ, перекладываетъ его на современную нотную систему, придѣлываетъ приличный аккомпаниментъ къ его мелодіи, и тѣмъ воскрешаетъ и оживляетъ славшее музыкальное зерно, — и оно развертывается въ невиданной красотѣ, съ новымъ благоуханіемъ: такъ художникъ-живописецъ, заимствуя сюжетъ изъ древней композиціи, можетъ и долженъ облечь данную тему всѣмъ богатствомъ свѣтотѣни, колорита, истины и красоты, какое даетъ ему современное состояніе техники искусства. Зачѣмъ я стану писать лицо цвѣта темной охры, когда могу придать ему естественную бѣлизну и румянецъ, или—тонкія икры и сухія руки у Младенца, когда это неправда? На одной иконѣ Предвѣчный Младенецъ обнимаетъ выю Своей Пречистой Матери, другую руку положилъ на грудь; но рука обнимающая^(и) сдѣлана столь длинна, что, обвившись около шеи, выходитъ еще цѣлою кистью подъ ухомъ. Такую ошибку, очевидно, не слѣдуетъ копировать. Можетъ быть на это скажутъ: икона чудотворная. Чудеса Божіей благодати не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ иконописца или неискусствомъ. Неграмотные рыбаки покорили вселенную силою слова, но Василий Великій и Златоустъ изъ-за этого не бросили изученіе діалектики и литературную обработку своихъ твореній.

(и) Къ слову: на иконѣ *Троеручицы* пишутъ у Богородицы три руки естественныхъ. Неестественно, несправедливо, безобразно. Третья рука должна быть написана металлическая, серебряная, висящая на цѣпочкѣ у иконы. Такую руку привѣсилъ къ иконѣ св. Іоаннъ Дамаскинъ въ память чудеснаго исцѣленія своей неправедно отсѣченной руки, по обычаю, ведшемуся еще отъ глубокой древности. Подлинникъ находится въ Хиландарской обители св. Саввы, и при брошюрѣ *Описаніе Хил. Лавры* приложенъ литографическій снимокъ съ этой иконы. Краткая исторія Хиландарской Лавры на св. горѣ Аѳонской. С. П. Б. 1862.

Предтеча.

Вовсѣвремена, у всѣхъ народовъ, при всевозможныхъ религіяхъ, находились возвышенныя души, которыя, не удовлетворяясь существующею, такъ сказать, общенародною формою богопочтенія, порывались служить Верховному Существо способомъ болѣе возвышеннымъ, болѣе строгимъ, чѣмъ обыкновенныя смертныя. Не говоря о древнихъ гимнософистахъ и современныхъ факирахъ Индіи, укажемъ на религіи наиболѣе чувственныя: древне-греческую и мусульманскую: — и тамъ есть проблески, порывы своего рода подвижничества: стоики, пифагорейская школа, дервиши..... Видно корни аскетизма (что ни говорятъ) лежать въ глубинѣ человѣческой природы, въ сокровенныхъ тайникахъ человѣческаго духа! Но само собою понятно, что внѣ истинной религіи этотъ аскетизмъ представляетъ явленіе болѣе или менѣе уродливое.

Св. пророкъ Ілія, пророкъ ветхозавѣтный и св. Іоаннъ креститель, стоящій на рубежѣ ветхаго и новаго завѣтовъ, два совершенныхъ образца этого направленія человѣческаго духа, которымъ стремились и стремятся подражать подвижники ветхаго (Ессеи) и новаго завѣтовъ. Здѣсь мы займемся Предтечею. Высокими похвалами удостоилъ его Спаситель. «На что смотрѣть идете вы въ пустынные окрестности Іордана? На тростникъ качаемый вѣтромъ? Или на богато одѣтаго человѣка? Такихъ много при царскихъ дворахъ. Или на пророка? Да! этотъ человѣкъ выше пророка! онъ выше всѣхъ рожденныхъ женами! Какъ великій свѣтильникъ, онъ горитъ и свѣтитъ далеко вокругъ!» ⁽¹⁾ Лук. 7, 24—28; Іоан. 4, 35.

(1) Около временъ І. Христа, у Іудеевъ былъ обычай въ праздникъ пасхи по вечерамъ зажигать на дворѣ храма большіе свѣтильники. По возвышенному положенію святилища, яркій свѣтъ ихъ видѣнъ былъ изъ дальнихъ частей св. града. Можетъ быть съ этими свѣтильниками Господь сравниваетъ предтечу. Даютъ

Какъ образецъ суроваго подвижничества, отчужденія всѣхъ удобствъ жизни ради Бога, и простоты, представляетъ его церковь. «Онъ живяше въ пустыни безводнѣй и безтравнѣй, никогда же пїяше вина, ни иного питія мірскаго; ни въ храмахъ живяше, но подъ камнемъ вкопався; столъ, и трапеза, и одръ ему бѣше земля; развѣ нужды естественныя единою днемъ вкушаше акриды и медъ дивїй; чаша же ему пригорщи бѣше, а питіе изъ камене текущая вода». (Уставъ. Августа 29 числа.)

Пеходя изъ этого представленія, церковная живопись изображаетъ его такъ: вы видите его исхудалаго отъ поста, обожженнаго южнымъ солнцемъ, одѣтаго какъ послѣдній изъ нищихъ. Вы слышите его рѣчь пламенную, странную, неумолимую, падающую какъ сѣкира острая на всѣ встрѣчаемыя имъ неправды. Ничто не останавливаетъ его. Онъ говоритъ правду всѣмъ. Душа его окрѣпла въ молчаніи предъ лицомъ единаго Господа. Въ христіанской иконографіи (объ уклоненіяхъ скажемъ послѣ) онъ является обыкновенно высокимъ, худощавымъ мужемъ среднихъ лѣтъ, въ одеждѣ изъ власовъ верблюжьихъ, узкой, короткой, обдерганной, почти безрукавной, подпоясанный грубымъ ремнемъ (у иныхъ живописцевъ съ блестящею стальною пряжкой!). Обыкновенно эта одежда пишется чѣмъ-то въ родѣ вывороченнаго полушубка. Не правдоподобнѣ ли было бы писать грубую суконную

и такое объясненіе: Передъ богатыми и знатными людьми, по вечерамъ, обыкновенно шли одинъ или нѣсколько служителей съ факелами, и освѣщали дорогу. Господь называетъ Іоанна такимъ факеломъ или факелоносцемъ. Такое объясненіе состоитъ въ близкой связи съ словами: *вотъ Я посылаю ангела (служителя, вѣстника) Моего предъ лицомъ Твоимъ.* (Лук. 7. 27.) Другіе служители шли впередъ и предупреждали, чтобы прохожіе убегали съ дороги. Это *гласъ вопіющаго: — уготовайте путь Господень* (Мар. 1. 3).

ткань въ родѣ нашего армяка? Простъ народѣ, бѣдняки на востокѣ, доселѣ носятъ одежду изъ верблюжьей шерсти, родъ кавказской бурки ^(к) *аба, бязь, аба*. Судя по такой безцеремонной простотѣ одѣянія намъ кажется излишне писать Іоанна въ епанчѣ и сандаляхъ. Даже Господь, позволивъ сандалии, вещь необходимую странствующему, запретилъ своимъ ученикамъ носить двѣ одежды (Мар. 6, 9); а Іоаннъ довольствовался только крайне необходимымъ ^(л).

Въ расположеніи волосъ на головѣ и бородѣ у него и у пророка Іліи замѣчается какая-то особенность. При всемъ неискusstвѣ иконописцы, видимо, стараются написать волосы всклокоченными, разтрепанными (*власы терхавы*) и тѣмъ выразить его полное пренебреженіе къ внѣшности во имя духа. Не баловалъ себя этотъ человѣкъ, не холилъ, да за то не спускалъ и сильнымъ земли, — ни синедріону, ни царямъ!

Нерѣдко онъ изображается крылатый, отчасти въ знакъ его равноангельскаго житія, отчасти какъ намекъ на слова пророчества: *се Азъ пошлю ангела моего предъ лицемъ твоимъ*. (Лук. 8, 27. Мал. 3, 1.)

(к) См. это слово въ энцикл. Лексик. Плюшара. — Этой тканью покрываютъ выюки съ товарами во время перевозки. Значитъ она на востокѣ тоже, что у насъ рогожа. Говорятъ, впрочемъ, что *одежда изъ волосъ верблюжьихъ* есть нѣчто въ родѣ войлока, который, свалявшись на животномъ, еостригается вдругъ, какъ руно съ мериносовъ, и по этому должна походить на вывороченный полушубокъ, — но доказательства не приводять, источниковъ не указываютъ.

(л) *Акриды* — саранча и *медъ дивій* — пчелиный дикій медъ — роскошь въ своемъ родѣ. Есть указанія, что оба эти продукта были гораздо неприхотливѣе, скуднѣе вышениписанныхъ кушаний: просто пустынные растенія въ родѣ солодковаго корня (*αγλιόμερο*), или кислицы — щавеля (*αχρίς*) — доселѣ растущія въ пустынѣ сорокодневной. (Странникъ 1865 Март.) До такой крайности ограничили потребности плоти преемникъ Іліи и предшественникъ Мессіи.

Восточная живопись даетъ ему въ руки хартію или чашу или то и другое вмѣстѣ. Въ чашѣ пишется или его же мертвая голова, намекъ на его мученическую кончину, или младенецъ, на котораго онъ указываетъ перстомъ. Странно видѣть Крестителя, держащаго въ рукахъ свою голову. Что касается до младенца, кажется, напрасно окружаютъ голову его вѣнцомъ и надписываютъ О. Ѡ. Н. Прежде мы уже говорили о древнемъ обычаѣ вмѣсто надписи употреблять символы: мечъ и церковь въ рукахъ св. Николая значить *защитникъ Церкви*; черепъ подъ крестомъ — *лобное мѣсто*, голгова. Очень вѣроятно, что сосудъ съ младенцемъ въ рукахъ Предтечи значить просто: *Креститель*. Въ западныхъ изображеніяхъ въ рукахъ Іоанна видится крестообразный жезлъ съ ленточкой, или вѣрнѣе сказать бумажкой, на которой написано, гдѣ удастся: *ессе Agnus Dei*. Такъ изображенъ Креститель и на знаменитой картинѣ Иванова: «Первое явленіе Христа народу.»

При постоянномъ стремленіи къ красотѣ (иногда въ ущербъ правдѣ), при полной свободѣ фантазіи (несвязанной преданіемъ), при всегдашнемъ исканіи новости и оригинальности, западные живописцы рисовали Предтечу во всевозможныхъ видахъ. У насъ очень распространены литографическія картинки, на которыхъ вы видите Предтечу въ видѣ полуобнаженнаго мальчика, обнимающаго шею барашка (картина Доменикино), или въ видѣ молоденькаго пастушка, сидящаго на развалинахъ какого-то храма и стерегущаго агнца, который пасется возлѣ него. Извѣстно, что VI вселенскій соборъ запретилъ подобныя изображенія.

Мы уже не разъ повторяли и еще повторимъ: время подобныхъ аллегорій и аналогій миновало; языкъ символовъ сталъ нынче малопонятенъ, и потому долженъ быть оставляемъ и картины подобнаго прикровеннаго содержанія надобно допускать съ большою осмотрительностію и послѣ строгаго, тща-

тельного выбора. Ошибка въ подборѣ аллегорическихъ фигуръ, небольшой промахъ, — и аллегорія превращается въ гротескъ. Изобразите прекрасный ландшафтъ; на переднемъ планѣ дерево; змѣя, скрываясь въ сучьяхъ, держитъ яблоко, а двѣ неосторожныя птицы подлетаютъ клевать его: притча выходитъ удовлетворительная; но, при той же обстановкѣ, напишите сатану, который, сидя подъ деревомъ, съ блюдечка кормитъ вишнями ручныхъ домашнихъ голубей — будетъ карриатура. На древнихъ памятникахъ встрѣчается изображеніе Сусанны въ видѣ агницы между волковъ — выразительная эмблема; но было бы смѣшно видѣть изображеніе Сусанны въ видѣ женщины, на которую нападаютъ два рогатыхъ козла.... Здѣсь умѣстно извѣстное изреченіе: отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Аллегорическія картины, скрывающія Предвѣчное Слово подъ видомъ животного и возвышенное дѣло спасенія подъ образомъ дѣтской забавы, несовмѣстны съ достоинствомъ и величіемъ изображаемыхъ событий.

На иконѣ явленія Ангела Захаріи, отцу Предтечи, напрасно Захарія изображается съ нынѣшнимъ церковнымъ кадиломъ. Кажденіе состояло въ томъ, что священникъ насыпалъ съ алтаря жертвеннаго углей въ большую кадельницу — жаровню, и, внесши во Святое, ставилъ на алтарь кадельный, воскурялъ съ молитвою *оиміамъ* и, преклоня главу имени Божію, удалялся (Исх. 30, 1—10; 34—47. Лев. 16, 12—13.). По этому *покадиту* (Лук. 1, 9.) въ сирекомъ выражено точнѣе: *положить оиміамъ* ^(м). Въ рукахъ Захаріи должна быть курильница въ родѣ той, съ какою изображенъ Ааронъ въ св. Исторіи Базарова. Нынѣшнее кадило съ цѣпами явилось не ранѣ XII вѣка ^(н). Слѣдовательно также ошибочно

(м) Дух. Бесѣда 1860 г. № 26.

(н) Martigni — Encensoir.

писать кадило въ рукахъ Ап. Петра (на иконѣ Успенія), архидіакона Стефана и др. святыхъ ветхозавѣтной и первенствующей церкви. Другое дѣло *кацея*, ящикъ съ ладаномъ ^(о), видимый на многихъ старинныхъ иконахъ.

На иконѣ *рождества Предтечи* иногда пишутъ Захарію въ священническомъ церковномъ облаченіи, въ кидарѣ, съ нагрудникомъ и пр., иногда въ домашнемъ одѣяніи въ мантии и въ шапкѣ похожей на чалму. Последнее приличнѣе и правдоподобнѣе. Дѣйствіе не въ храмѣ, а въ частномъ жилищѣ (Лук. 1, 23. 39. 58), не въ Іерусалимѣ, а въ Іутѣ или Іетѣ, близъ пустыни Зифъ (Лук. 1, 80; Нав. 15, 27), гдѣ равноапостольная Елена, основываясь на свѣжемъ преданіи, построила монастырь (Видъ см. въ пут. А. Норова, ч. 1. стр. 324). Съ какой же стати одежда Аарона въ такой глуши? Вѣдь облаченіе только и употреблялось — что въ храмѣ, не надѣвалось даже въ синагогѣ, не то-что въ домашнемъ быту.

Усѣкновение. Рождество, усѣкновение, иногда и обрѣтеніе главы Предтечевой у иконописцевъ не рѣдко пишутся на фонѣ иконы Крестителя въ миниатюрномъ видѣ, безъ соображенія хронологическихъ промежутковъ и разстояній. Усѣкновение въ иконописи происходитъ на дворѣ темницы, обнесенномъ тыномъ изъ бревень; спекуляторъ только замахнулся мечомъ, а нетерпѣливая царевна уже стоитъ на крыльцѣ, въ дверяхъ, и ожидаетъ кроваваго дара. Крыльцо дворца, выходящее на дворъ темницы (о правдоподобіи пока не говоримъ), напоминаетъ зрителю судьбу этихъ миниатюрныхъ цариковъ, креатуръ Рима, въ родѣ Прода Агриппы, которые подлымъ искательствомъ у сенаторовъ и отпущениковъ цезаря, съ великимъ трудомъ и несмѣтными издержками, приоб-

(о) Брошюра: Великій постъ въ Іерусалимѣ. М. 1867 г. изданіе редакціи Душен. Чтенія.

рѣтали крошечную, мишурную корону и, насладившись кратковременнымъ упоеніемъ ефемерной власти, кончали карьеру гдѣ-нибудь въ глухомъ углу Галліи или въ туманной Британіи, въ голодной ссылкѣ. Живописцы представляютъ дѣйствіе, ближе къ тексту Евангелія, въ самой темницѣ (Мѣ. 14, 10). Сырая, мрачная тюрьма вѣетъ могильнымъ склепомъ; суровый старый палачъ съ мечемъ, еще дымящимся отъ крови казненнаго праведника, подаетъ мертвую голову сіяющей красотою и молодостию дѣвицы въ античномъ костюмѣ танцовщицы; а за нею уходитъ вверхъ лѣстница, вся залитая свѣтомъ сверху; тамъ освѣщеніе, оттуда долетаютъ звуки музыки, веселый смѣхъ гостей, аромать куреній... а здѣсь мракъ, поросшіе мохомъ камни, ржавыя цѣпи, запахъ плѣсени и свѣжей крови... эта сіяющая дѣвица, этотъ мрачный палачъ, и между ними голова и трупъ величайшаго изъ пророковъ, погибшаго безъ суда, безъ славы, въ глухой тюрьмѣ, по капризу злобной женщины... «Прощай моя безмолвная пустыня! Прощайте тихіе берега и быстрыя волны Іордана, и Ты, желанный Женихъ дщери Сіоновой! Тебѣ *подобаетъ расти, мнѣ же малитися! Радость моя исполнися!*» (Іоан. 3, 29. 30.). Сколько великолѣпныхъ контрастовъ! Потрясающій эффектъ! Къ сожалѣнію ради этого надо забыть, что дѣвица не приходила въ темницу, а ей принесли (Мѣ. 14, 11) въ ея комнату такой гостинецъ; забыть, что ужъ близко очень зала пировъ отъ тюрьмы, — всего черезъ лѣстницу, какъ во дворцѣ Венеціанскаго Дожа. Шноррѣ еще больше удаляется отъ правдоподобія. Справа, въ уровень съ поломъ темницы рѣшетчатое окно, въ которое заглядываютъ какія-то лица — вѣроятно ученики Іоанновы, пришедшіе унести останки Предтечи (а о казни заранѣе неизвѣстно было никому — она опредѣлена мгновенно въ продолженіе пирушки). Вверху изъ пиршественной залы въ тем-

ницу полукруглыя окна (вѣроятно для лучшей вентиляціи той и другой),— въ нихъ виднѣются гости и пирующій царь съ фіаломъ въ рукѣ. Зачѣмъ эти окна? По расположенію этажей выходитъ темница двухъэтажная сквозная зала: къ чему такая вышина? А зала пира, гдѣ-то въ антресоляхъ, низменная комната, съ окошками на полу—къ тюремѣ, чтобы возлежащіе освѣжали свою веселость и свою грудь видомъ этого погребя и воздухомъ каземата! Нѣмецъ перемудрилъ! Нельзя ли бы написать такъ:— тюрьма. Справа воинъ съ факеломъ и тарелкою, слѣва другой съ мечемъ и головою; по срединѣ трупъ. Надъ нимъ широкое рѣшетчатое окно, сквозь которое виднѣется черезъ садъ веселая пирушка на ярко освѣщенной террасѣ дворца. Кромѣ истины тутъ художникамъ представляется случай блеснуть огненнымъ освѣщеніемъ и туманною картиною отдаленнаго пира.

Обрътеніе главы Предтечи. Глава изображается обыкновенно въ золотомъ сосудѣ. Служба на этотъ день (24 фев.) говоритъ о скудельномъ, а не о золотомъ. Вѣроятно изъ какого нибудь апокрифическаго сказанія заимствована на иныхъ иконахъ воскресенія Христова слѣдующая сцена: щель въ родѣ колодца, на краю которой Іоаннъ Креститель, съ бумагою въ рукѣ, говоритъ выглядывающимъ оттуда душамъ вѣсть воскресенія. Іоаннъ проповѣдалъ *сущимъ во адѣ Бсѣга явльшася плотію*, но не воскресшаго.

Наконецъ еще замѣтка съ технической стороны: если гдѣ, то на иконѣ Предтечи какъ-то особенно неумѣстны—яркій колоритъ, живые цвѣта. Все (исключая развѣ пейзажъ) должно быть сухо, бѣдно, тоще, сурово. Худое лице, неубранные волосы, грязнобурые лохмотья, сухія, голыя, загорѣлыя руки и ноги, каменистая обнаженная почва, накаленная солнцемъ. Забудьте на время всю калейдоскопическую игру колеровъ, фейерверки и бенгалики яркаго, радужнаго колорита. Живые

колера, сочная кисть, внѣшняя красота фигуры и стана, мягкія одежды, все земное изящество здѣсь не у мѣста. *Се иже мягкая носящій, въ домѣхъ царскихъ сущъ.* (Матѣ. 10, 8).

Е в а н г е л и с т ы .

Изображенія Евангелистовъ являются не ранѣ V вѣка. Первоначальный образъ представленія былъ символическій, т. е. писались, сообразно видѣнію Іезекіиля (1 гл.) и Апокалипсису Іоанна Богослова (6, 6. 7.), только атрибуты евангелистовъ — четыре животныхъ. Мозаика въ церкви Галлы Плакидіи въ Равеннѣ и церкви св. Сатиравъ въ Миланѣ представляетъ древнѣйшія изображенія такихъ атрибутовъ^(п). Въ церкви св. Виталия въ Равеннѣ (557) изображены уже сами евангелисты, сѣдящіе съ книгами и при нихъ символы: у Матѣея человѣкъ, у Марка левъ, у Луки телець (оба безъ крыльевъ), у Іоанна орелъ.^(р) Иногда головы символическихъ животныхъ окру-

(п) Снимки см. въ много-разъ упомянутомъ сочиненіи г. Буслаева, и у Мартиньи.

(р) Знаменованіе символическихъ животныхъ разсматриваютъ различно: или по отношенію къ Спасителю, или по отношенію къ Евангелистамъ. По отношенію къ Спасителю объясняютъ такъ: сошедъ съ небесъ, Онъ сталъ *человѣкомъ*; какъ *телець*, былъ жертвою искупленія; какъ *левъ* поразилъ враговъ своихъ и, какъ *орелъ*, вознесся на небеса. По отношенію къ писателямъ объясняютъ такъ: при Матѣеѣ пишется *человѣкъ*, потому что Матѣей, писавшій для Евреевъ, преимущественно занялся *человѣческою генеалогіею Мессіи*, указывая Его происхожденіе отъ Давида и Авраама. Маркъ, словно рыкающій левъ, начинаетъ *гласомъ вопіющаго въ пустынь*, и изображаетъ преимущественно царственную силу Господа надъ стихіями и людьми, болѣзнями и демонами. Лука начинаетъ *разсказомъ о священникѣ Захаріи* — символъ жречества жертвенный телець. Іоаннъ какъ орелъ воспарилъ къ солнцу и орлинымъ окомъ проникнулъ въ бездны Предвѣчнаго Бытія.

жены вѣнцами, иногда нѣтъ; иногда они крылаты, иногда нѣтъ, послѣднее рѣже. Сохранились два образчика очень страшной композиціи: Евангелисты представлены въ обыкновенныхъ одеждахъ и положеніяхъ, но съ головами тѣхъ животныхъ, которыя служатъ имъ символами. Это что-то въ родѣ изображеній мученика Христофора.

Обыкновенно пишутся Матеей, Іоаннъ старцами, а Маркъ и Лука среднихъ лѣтъ. Богословъ въ исторической обстановкѣ (Тайная вечеря, Распятіе, Положеніе во гробъ, Преображеніе) пишется юный, а какъ евангелистъ, пишется сѣдой, лысый, съ большою бѣлою бородою. Живописцы впрочемъ этого не наблюдаютъ, пишутъ его иногда въ качествѣ евангелиста, но съ небольшою бородкою, двадцати-тридцати лѣтъ возрастомъ^(с). По мѣсту, гдѣ находится изображеніе, еванге-

Въ видѣніяхъ Іезекииля и Іоанна Богослова подлѣ образами животныхъ представляются херувимы. Изображеніе тѣхъ же животныхъ при евангелистахъ, или на книгахъ Евангелія знаменуетъ благоговѣніе херувимовъ предъ святынею Евангелія, подобно тому какъ изображенія херувимовъ, поставленныя надъ ковчегомъ съ скрижалями Завета, свидѣтельствовали также о благоговѣніи ихъ къ этой ветхозавѣтной святынѣ. Это простое объясненіе не слѣдуетъ ли предпочесть другимъ, очевидно натянутымъ? Ред.

(с) У пишущаго есть барельефъ—медальонъ, на которомъ Богословъ изображенъ со свиткомъ, какъ Евангелистъ, но безбородый, съ великолѣпными локонами на плечахъ а на фонѣ видѣется урна, изъ которой поднимается змѣя. Какъ этотъ атрибутъ языческаго Эскулапа заползъ на икону Богослова, не понимаемъ. А вѣроятно барельефъ не личная фантазія литейщика, а копія съ какого нибудь извѣстнаго изваянія. Уже если бы и можно при-
дѣлать урну и змѣю кому нибудь изъ евангелистовъ, то скорѣе Лукѣ, который былъ врачъ. Онъ же по преданію и живописецъ. Первый восковыми красками написалъ (ἐκ κορυφῆ ζωγραφῆσαι) иконы Богородицы и апостоловъ Петра и Павла. (См. Сказанія о вѣншемъ видѣ св. мужей и женъ. Труды Кіев. Духов. Академіи. Январь.) Впрочемъ Мартини признаетъ его только врачомъ, на основаніи Писанія. (Колос. 4, 14).

листы пишутся съ различной обстановкой. Когда они пишутся въ парусахъ купола, то представляются на облакахъ; когда пишутся на стѣнахъ, изображаются всегда въ какихъ-то богатыхъ палатахъ, и тутъ какъ-то странно бросаются въ глаза ихъ атрибуты: на мраморномъ полу растянулся телець, подъ столомъ—левъ, какъ кошка; не лучше ли сдѣлать такъ: на стѣнѣ, за евангелистомъ, пусть виднѣется барельефъ съ тельцомъ, или на пьедесталѣ изваяніе льва. Пишущій видѣлъ на окладѣ евангелія гравированное чернью изображеніе Іоанна Богослова: на столѣ предъ нимъ сидитъ орелъ, и держитъ въ клювъ чернильницу на снуркѣ или цѣпочкѣ; однако не безъ дѣла сидитъ! Но обыкновенно въ изображеніяхъ Богослова больше гармоніи: пустынная мѣстность, море и скалы, на скалахъ орелъ.... Иногда вмѣсто избитаго пучка свѣта (который въ живописи означаетъ озареніе, просвѣщеніе свыше и является на каждой живописной иконѣ неизбѣжно) на иконѣ Богослова случается видѣть попытку написать что-то въ родѣ грозы.... Это повидимому намекъ на преданіе о написаніи Евангелія, при чемъ былъ громъ и землетрясеніе, или указаніе на имя евангелиста: *сынъ грома*. Иногда онъ диктуетъ въ пещерѣ Прохору, который въ этомъ случаѣ пишется молоденькимъ, какъ будто мальчикомъ, который занимается каллиграфіей подъ руководствомъ наставника. Излишне. Какое намъ дѣло, собственноручно или чрезъ секретаря писалъ сынъ громовъ? Все равно: отъ него вышелъ громовый манифестъ о предвѣчномъ рожденіи Слова.

Иконописцы представляютъ евангелистовъ въ богатыхъ креслахъ пишущими за столомъ по книгѣ, иногда при свѣтѣ свѣчи, гусинымъ перомъ. Свитокъ былъ употребительнѣе книги въ тѣ времена. Перо употреблялось тростниковое, а не гусинное; свѣчи употреблялись ли, неизвѣстно; во всеобщемъ употребленіи были лампы (*lucernae*). Впрочемъ свѣча рисуется

ся вѣроятно не только для занятія пустаго мѣста, а больше какъ намекъ на свѣтъ Евангелія: *Людіе судящіи во тьмѣ видѣша свѣтъ велій* (Матѣ. 4, 16). *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). *Вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницу и свѣтитъ всѣмъ*, (Матѣ. 5, 14).

Св. царь Константинъ, передъ придѣломъ Креста въ Іерусалимѣ, гдѣ хранилось животворящее древо, повѣсилъ четыре павикадила *secundum numerum quatuor evangeliorum*. Такіе намеки обычны у первенствующихъ христіанъ и оттуда зашли они и въ искусство.

АПОСТОЛЫ.

Самый древній способъ изображенія апостоловъ, по обыкновенію, былъ символическій. Они изображались подъ видомъ овецъ: *се Азъ посылаю васъ яко овцы посредиъ волковъ* (Лук. 10. 3), въ видѣ голубей: *будите убо мудри яко змии и цѣли яко голубіе* (Мѣ. 10, 16), въ видѣ пальмъ, рыболововъ (Мѣ. 4, 19). Часто изображались они и въ человѣческомъ видѣ, но безъ отличительныхъ атрибутовъ, по которымъ бы можно было отличить ихъ одного отъ другаго. Только Петра можно узнать по ключамъ. Прочіе обыкновенно держатъ въ рукахъ свитки. Павелъ въ позднѣйшія времена сталъ писаться съ мечемъ, а потомъ и прочіе съ орудіями ихъ мученій или кончины. Тома пишется иногда съ наугольникомъ, — намекъ на то, что онъ явился къ индѣйскому царю въ качествѣ архитектора. Изображенія ихъ всѣхъ можно почитать условными. Только лики Петра и Павла имѣютъ вѣроятно основаніемъ нѣкоторое портретное сходство. Они

на всѣхъ памятникахъ изображаются одинаково: одинъ съ короткою, круглою бородою, другой съ длинною. Нѣкоторые христіанскіе памятники, на которыхъ они изображены, по времени восходятъ почти къ годамъ ихъ блаженной кончины, такъ что художники работали ихъ лики можетъ-быть со словъ свѣжаго преданія, если не вовсе съ показаній очевидцевъ. Въ 160 г. по Р. Х. въ Римѣ былъ у нѣкоей жены образъ апостола Павла, а въ это время былъ еще въ живыхъ св. Поликарпъ, ученикъ св. Іоанна Богослова и учитель Иринея, которому и обязаны мы этимъ свѣдѣніемъ. Притомъ и описаніе Никифора Каллиста, составленное по источникамъ, хранившимся въ константинопольской библіотекѣ, удивительно согласуется со всѣми художественными изображеніями первопрестольниковъ. Св. апостоль Петръ, по описанію Каллиста, былъ прямъ и высокъ ростомъ; волосы на головѣ и бородѣ густые, курчавые, недолгіе, лицо круглое, черты простонародныя (вульгарныя), брови — дугою, носъ долгій и къ концу разширенный. Св. апостоль Павелъ, напротивъ, былъ низокъ ростомъ, сутуловатъ, чело имѣлъ обнаженное, бороду долгую и прямую, лицо продолговатое, брови нависшія, носъ прямой и долгій, сложеніе слабое. Въ чертахъ и цвѣтѣ лица видѣлось нѣкоторое благородство — деликатность (Martigni 536).

Что касается до изображенія прочихъ святыхъ, то они пишутся и должны писаться сообразно описаніямъ Подлинниковъ. Конечно, Подлинники составлены неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно по какимъ даннымъ, подъ вліяніемъ какихъ авторитетовъ; нерѣдко разногласятъ между собою, содержатъ ошибки противъ исторіи, географіи, этнографіи; но за нихъ

авторитетъ давности; все привыкли къ ихъ рисункамъ, освященнымъ преданіемъ, а главное — другихъ источниковъ нѣтъ, и потому надобно пользоваться тѣмъ, который есть, и въ томъ видѣ, каковъ онъ есть. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь, знающій иконное дѣло, сдѣлалъ сводъ всехъ разнообразныхъ подлинниковъ, освѣтилъ историческою критикою и очистилъ ихъ отъ противорѣчій и издалъ сравнительный Подлинникъ для руководства и справокъ художникамъ-иконописцамъ. А то теперь, напримѣръ, пророка Давіила кто напишетъ юнымъ безбородымъ, кто — почтеннымъ старцемъ. Св. мученика Вонифатія иные пишутъ въ шлемѣ, эпанчѣ и бронѣ, иные просто въ хитонѣ; Соломона то въ далматикѣ, то въ туникѣ по колѣна и мантии. «Кто старикомъ изображаетъ св. Тихона, кто молодымъ, кто толстымъ, а иной — испостившимся, — и разнообразіе идетъ въ безконечность^(г)». Въ атрибутахъ тоже разнообразіе безконечное: св. Великомученица Варвара иногда въ коронѣ, иногда съ открытою головою; въ рукахъ то мечъ, то хартія, то чаша, то крестъ, то пальма, — столпотвореніе Вавилонское, смѣшеніе языковъ! Г. Буслаевъ рекомендуетъ два изъ Подлинниковъ: Строгоновскій самый полный сборникъ — сводъ изъ всехъ, со всеми ихъ разнорѣчіями и противорѣчіями, и Долотовскій критическій выборъ XVIII вѣка. Но гдѣ ихъ взять сельскому и даже городскому иконописцу? Поневоѣ приходится руководиться указаніями перваго попавшаго подъ руку списка. Святцы г. А. Солнцева были бы хорошимъ пособіемъ для иконописца, но они къ несчастью еще не по средствамъ нашимъ скуднымъ артистамъ, да и Богъ одинъ знаетъ, выдутъ ли они когда сполна, или останются на полудорогѣ, какъ и

(г) «Замѣтки объ иконахъ, распространенныхъ между нашимъ простымъ народомъ». Духъ христіанина, февраль 1863—64.

многія другія хорошія предпріятія. Пока печатаются метакроматическіе Святцы, не худо бы издать ихъ же посредствомъ хоть литографіи для руководства иконописцевъ ^(у). Можно съ увѣренностію сказать, что они сдѣлались бы настольною книгою для всякаго иконописца, который любитъ и уважаетъ свое искусство. Будемъ ждать и надѣяться.

Свящ. В. Владимірскій.

(у) Да не подумаетъ читатель, что мы хотимъ сковать свободу творчества Подлинниками, Святцами, заставляя изображать по писанному. Мы не то хотимъ сказать. Художнику развитому, образованному, съ природнымъ вкусомъ и даромъ творчества, эти руководства послужатъ только пособіемъ, справочною книгой, не связывая крыльевъ свободной фантазіи. Варьируй сколько угодно, только знай границы! А нашимъ смиреннымъ артистамъ, которые художествуютъ въ глуши уѣздныхъ городовъ, признаться, и лучше было бы, еслибы они, не распуская паруса воображенія, смиренно держались береговъ—копировали бы съ хорошихъ образцовъ. Главное: меньше ошибокъ! А если сдѣлаешь, то вина оригинала, съ котораго писано, а копировщикъ въ сторонѣ.